

Сергей Михайлович Соловьев
(1820 — 1879)

С портрета И. Е. Репина. 1880 г.

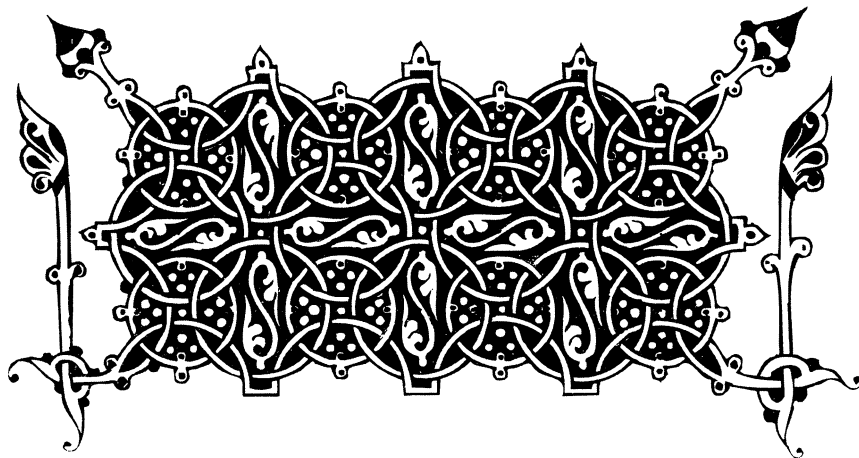
Сергей Михайлович Соловьев

ИСТОРИЯ
РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН

Москва

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — крупнейший и самый знаменитый историк России — родился в Москве в семье священника. Глубоко религиозное воспитание заметно отразилось на формировании личности будущего ученого и сказалось на том, какое значение он придавал религии в жизни народов, в особенности когда дело касалось православия и России.

Интерес к области знаний, которой предстояло стать делом всей его жизни, обозначился у Соловьева очень рано: ему еще не исполнилось 13 лет, когда он успел раз десять перечитать капитальный труд Н. М. Карамзина (1766—1826) «История государства Российского»; другим его увлечением стали описания путешествий, интерес к которым он сохранил на долгие годы.

В 1838 г. Соловьев поступил в Московский университет. Годы учебы на I отделении философского факультета (1838—1842) прошли у Соловьева под сильным влиянием Т. Н. Грановского (1813—1855), профессора всеобщей истории, одного из основателей русской школы изучения европейского средневековья.

Курс Грановского постепенно привел Соловьева к убеждению о необходимости изучать русскую историю в контексте общемировых процессов, отказавшись от соблазнительной мысли об обособленности русского пути развития. Именно под влиянием лекций Грановского у Соловьева возникло стремление рассматривать исторические события в непосредственной связи с духовной жизнью эпохи и устойчивый интерес к вопросам религии, права, политики, этнографии и литературы, который не покидал его на протяжении всей научной деятельности.

В университете Соловьев не ограничивал свое обучение одними обязательными занятиями и усиленно занимался самообразованием; прочитанные им тогда книги оказали мощное воздействие на его формирование как ученого и оказали значительное влияние на видение исторических процессов. Он познакомился с работами итальянского философа Джамбаттиста Вико (1668—1744), полагавшего, что каждый

народ в своем развитии проходит три этапа — божественный, героический и человеческий; с трудами английского историка Эдуарда Гиббона (1737—1794), швейцарского экономиста и историка Жана Сисмонди (1773—1842). По собственному признанию Соловьева, одно время он сильно увлекся Гегелем и «на несколько месяцев сделался протестантом».

Из работ по русской истории в тот период на него наибольшее впечатление произвела книга российского историка Иоганна Эверса (1781—1830) «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии», в которой процесс формирования Древнерусского государства рассматривался как постепенная эволюция более ранних форм общественного объединения — семьи, рода и племени. По словам Соловьева, работа Эверса стала «эпохой в его умственной жизни, ибо Карамзин наделял одними фактами, ударял только на чувство», в то время как «Эверс ударил на мысль, заставил думать над русской историей».

Закончив университет в 1842 г., Соловьев отправился в поездку за границу в качестве домашнего учителя семьи графа А. П. Строганова. В течение двух лет он побывал в Германии, Бельгии, во Франции и в Чехии, слушал лекции многих именитых европейских ученых: в Берлине — выдающегося философа Фридриха Шеллинга (1775—1854), историка Леопольда фон Ранке (1795—1886), географа Карла Риттера (1779—1859), широко применявшего географический фактор в объяснении исторических судеб народов; в Гейдельберге — историка Фридриха Шлоссера (1776—1861), автора 19-томной «Всемирной истории»; в Париже — популярного историка романтического направления Жюль Мишле (1798—1874).

Знакомство с современной Европой и ее научной жизнью довершили образование Соловьева. Вскоре после возвращения из-за границы в 1845 г. он блестяще защитил магистерскую диссертацию «Об отношении Новгородца к великим князьям» и стал преподавать в Московском университете русскую историю.

Работа о Новгороде сразу заставила говорить о Соловьёве, как о крупном ученом, обладающем оригинальным умом и самобытной концепцией русской истории.

Свою вторую книгу «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» Соловьёв защитил в качестве докторской диссертации. Она окончательно упрочила его репутацию первоклассного специалиста. Русскую историю в Московском университете Соловьёв преподавал (за исключением небольшого перерыва) более 30 лет; его избирали и деканом, и ректором.

В университете Соловьёв всегда был горячим защитником интересов науки, свободы преподавания и автономии университетского строя. Иногда его общественная позиция начинала всерьез беспокоить власти: известно, что, например, в 1849 г. московский генерал-губернатор обращался с запросом к попечителю Московского университета по поводу образа мыслей Соловьёва.

Впрочем, это не помешало выдающемуся ученому преподавать историю царским детям: в частности, в 1866 г. его слушателем стал наследник престола, будущий император Александр III.

Как ученого, Соловьёва отличали огромная начитанность, глубина и разносторонность познаний, широта обобщающей мысли. Его лекции не поражали блеском красноречия, они покоряли слушателей четкими, убедительными доводами, последовательностью и ясностью мысли.

Слушатель постоянно ощущал, что разворачивающаяся перед ним панорама событий проникнута внутренней логикой, в ней нет места неожиданностям или случайностям. Соловьёв настойчиво раскрывал связь между отдельными явлениями, подчеркивал последовательность исторического развития, подчиненную действию общих законов, всеми силами способствовал формированию у своих учеников исторического мышления.

Согласно концепции Соловьёва, исследователь должен «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию».

Эта точка зрения оказала громадное влияние на последующее развитие русской историографии. Прежнее деление на эпохи, основанное на внешних признаках, лишённое внутренней связи, потеряло смысл; его заменило членение истории по стадиям развития. Постепенный переход родового быта в государственный, последовательное превращение племен в княжества, а княжеств — в единое государственное целое — вот, по мнению Соловьёва, основной вектор движения русской истории.

Государство, по Соловьёву, — это сам народ, нация в ее развитии; одно неотделимо от другого. История

России, таким образом, — это история государственности, но не правительства и его органов, как полагал Карамзин, а жизни народа в целом, во всех ее общественно значимых проявлениях. Главный труд всей жизни Соловьёва, «История России с древнейших времен», как раз и представляет собой последовательную реализацию этой теории на конкретном историческом материале.

Аккуратный до педантизма, Соловьёв, казалось, полностью подчинил свою жизнь интересам дела. Каждый день у него был расписан поминутно; он и умер за работой. Когда Соловьёв пришел к убеждению, что в России отсутствует цельная картина национальной истории, отвечающая уровню развития современной науки, он, ощущая в себе силы создать такой капитальный труд, принялся за работу, рассматривая ее как исполнение своего долга ученого и гражданина перед обществом.

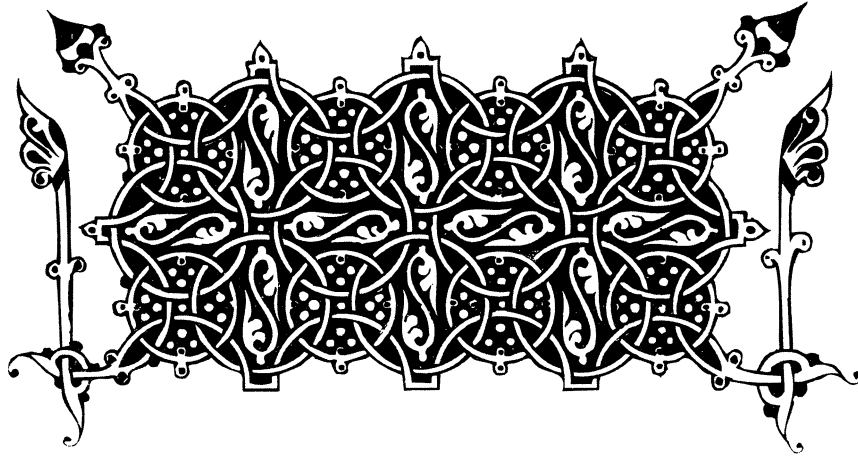
Около 30 лет Соловьёв неустанно работал над своей «Историей России с древнейших времен», славой его жизни и гордостью российской исторической науки. Первый том этого грандиозного издания появился в 1851 г., и с тех пор аккуратно, из года в год, выходило по одному тому. Последний, 29-й, вышел в 1879 г., уже после смерти автора.

Научные произведения такого масштаба и глубины охвата рассматриваемых событий были невиданным явлением в русской историографии; там, где только намечалось возведение здания, один человек оказался способен не только заложить фундамент, но и выстроить стены, положить крышу и даже провести некоторые отделочные работы. В этом монументальном труде Соловьёв проявил энергию и силу духа, тем более поразительные, что, «отдыхая» от него, он успел подготовить немало других книг и статей на самые разные темы.

Окончательный объем «Истории России с древнейших времен» составляет около 13 тысяч страниц. Труд Соловьёва изобилует фактическим материалом — архивными документами, выписками из летописей и хронографов, писем, законодательных актов, свидетельств и мемуаров.

Немного специалисты могут похвастаться знакомством со всеми томами этого грандиозного собрания. Современный темп жизни диктует свои законы, и настоящее издание — это разумный компромисс, возможность познакомиться с исторической концепцией Соловьёва в изложении автора, максимально разгруженной от примеров, извлечений из документов и прочей, в конечном счете, вспомогательной информации.

Эта книга — первый, но важный шаг к знакомству с наследием крупнейшего историка России. Ее страницы шаг за шагом ведут читателя по пути, когда-то начертанному для себя ее автором: «Выучиться самому, чтобы быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университетский курс русской истории и дать средство другим знать основательно свою историю».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателю о значении, пользе истории отечественной; его обязанность предупредить их только об основной мысли труда. Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.

Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особого быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней средней и южной России.

Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призвавшими племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала непосредственно и посредством другого начала — дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда.

Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние греко-римское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но, кроме греков, новорожденная Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим европейским народом — с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, — каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно.

Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более, что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о *господстве* норманнов, о норманском периоде.

... Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи, смотря по степени своего старшинства, занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства.

Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт древней Руси, на определение отношений правительственного начала к дружине и к остальному народонаселению, одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время.

Начало перемены в означенном порядке вещей мы замечаем во второй половине XII века, когда Северная Русь выступает на сцену; замечаем здесь, на севере, новые начала, новые отношения, имеющие произвести новый порядок вещей, замечаем перемену в отношениях старшего князя к младшим, ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых каждая стремится увеличить свои силы на счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле. Таким образом, через ослабление родовой связи между княжескими линиями, через их отчуждение друг от друга и через видимое нарушение единства Русской земли приготавливается путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя.

Первым следствием ослабления родовой связи между княжескими линиями, отчуждения их друг от друга было временное отделение Южной Руси от Северной, последовавшее по смерти Всеволода III. Не имея таких прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после татарского нашествия подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было губительно для народности юго-западных русских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось по-старому, но губительно было для русской жизни на юго-западе соединение всех литовско-русских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайла: с этих пор Юго-Западная Русь должна была вступить в бесплодную для своего народного развития борьбу с Польшею для сохранения своей народности, основой которой была вера; успех этой борьбы, возможность для Юго-Западной Руси сохранить свою народность обуславливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом.

Здесь новый порядок вещей утверждался неослабно. Вскоре по смерти Всеволода III, по отделении Южной Руси от Северной, явились и в последней татары, опустошили значительную ее часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княжение. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал князя неприкосновенным на столе, он только обеспечивал волю его от татарских нашествий; в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки; они знали, что всякий из них, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другим и войско на помощь.

Независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, — именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других. Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями, следовательно, историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений.

Борьба отдельных княжеств оканчивается на севере тем, что княжество Московское вследствие разных обстоятельств пересиливает все остальные, московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя.

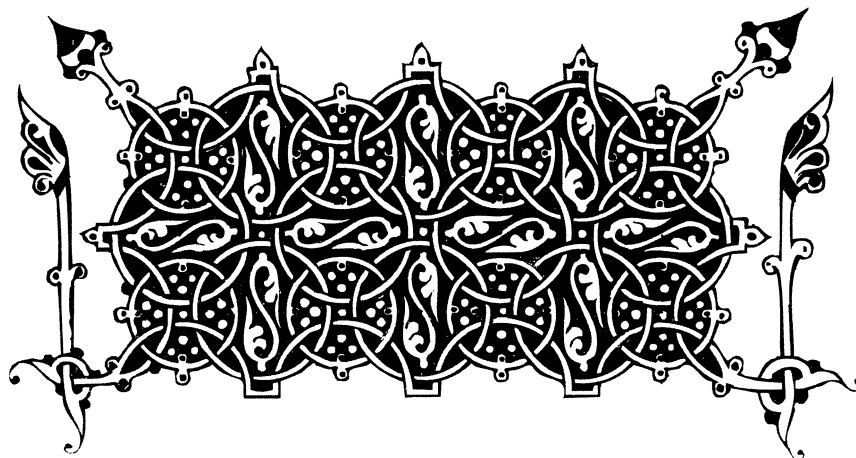
Это главное, основное явление — переход родовых отношений между князьями в государственные — условливает ряд других явлений, сильно отзывается в отношениях правительственного начала к дружине и остальному народонаселению; единство, соединение частей обуславливает силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы победить татар и начать наступательное движение на Азию; с другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей условливает успешную борьбу ее с королевством Польским, постоянной целью которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами, готовить себе место среди них.

В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресекалась Рюрикова династия. Начало XVII века ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушением. Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что, несмотря на отсутствие видимого сосредоточивающего начала, части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всею Землею. Так юное государство со славою выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость.

С новою династией начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится, следовательно, важнейшая перемена в судьбе древнего служивого сословия, так сильно отзывавшаяся в общественном строе; видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах частных людей являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом готовится он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первую половиною XVIII, разделять их нельзя.

Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительною целью материального благосостояния оказывается недостаточным, является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить душу в приготовленное прежде тело, как выражались лучшие люди эпохи. Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще привело к *самопознанию*.

Таков ход русской истории, такова связь главных явлений, в ней замечаемых.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Природа Русской государственной области и ее влияние на историю. — Равнинность страны. — Столкновение кочевников с оседлым народонаселением. — Казаки. — Четыре главные части древней России. — Влияние природы на характер народный.

Задолго до начала нашего летоисчисления знаменитый грек, которого зовут «отцом истории», посетил северные берега Черного моря; верным взглядом взглянул он на страну, на племена, в ней жившие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны.

Прошло много веков, несколько раз племена сменялись одни другими, образовалось могущественное государство, но явление, замеченное Геродотом, остается по-прежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юго-востоке, соприкасается непосредственно со степями Средней Азии; толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими; Геродот своими странами объясняет причины этого господства, но тот же Геродот замечает, что берега Днепра по

своему необыкновенному плодородию способны питать и земледельческое народонаселение; и вот предания говорят о народных движениях с Запада навстречу кочевым ордам; на берегах Днепра и его притоков, на востоке и западе, селятся племена земледельческие с характером европейским; они движутся все далее и далее на Восток, но кочевники не скоро уступят им свои привольные степи.

Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить на счет оседлого народонаселения; ясно, что в истории последнего одним из главных явлений будет постоянная борьба со степными варварами. Периоды этой борьбы так обозначаются в русской истории: от половины IX века до сороковых годов XIII нет резкого перевеса ни на стороне кочевников, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси; печенеги, а за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью, но зато иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон, и пленят их вежи. От сороковых годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиатцы в лице монголов: с конца XIV века пересиливает Европа в лице России; северо-западная, европейская часть великой равнины начинает распространяться на счет юго-восточной, азиатской.

Но природа страны обусловила еще другую борьбу для государства, кроме борьбы с кочевниками: когда государство граничит не с другим государством и не с морем, но соприкасается со степью, широкою и вместе привольною для жилья, то для людей, которые по разным причинам не хотят оставаться в обществе или принуждены оставить его, открывается путь к выходу из государства и приятная будущность — свободная, разгульная жизнь в степи. Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек издавна населялись казацкими толпами, которые, с одной стороны, служили пограничною стражею для госу-

дарства против кочевых хищников, а с другой, признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее самих кочевых орд.

... Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота: «В Скифии, — говорит он, — нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны». ... Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская.

... Наконец, природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего как телесную, так и умственную. ... Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в

высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным.

С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что могущественно действует на отношения двух полов: в народе, в котором развито чувство красоты, господствует стремление к искусству, общественным увеселениям, — в таком народе женщина не может быть исключена из общества мужчин.

Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разумеется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов.

Все сказанное прилагается в известной мере к историческому различию в характере южного и северного народонаселения Руси.

ГЛАВА 2

Постепенное распространение сведений о Северо-Восточной Европе в древности. — Быт народов, здесь обитавших. — Греческие колонии на северном берегу Понта. — Торговля. — Характер азиатского движения.

Наш летописец начинает повесть свою о Русской земле с тех пор, как слово Русь стало известно грекам; историк русский, который захочет углубиться в отдаленные времена, узнать что-нибудь о первых известных обитателях нашего отечества, должен также обратиться к грекам, начать с тех пор, как впервые имена этих обитателей появились в известиях греческих.

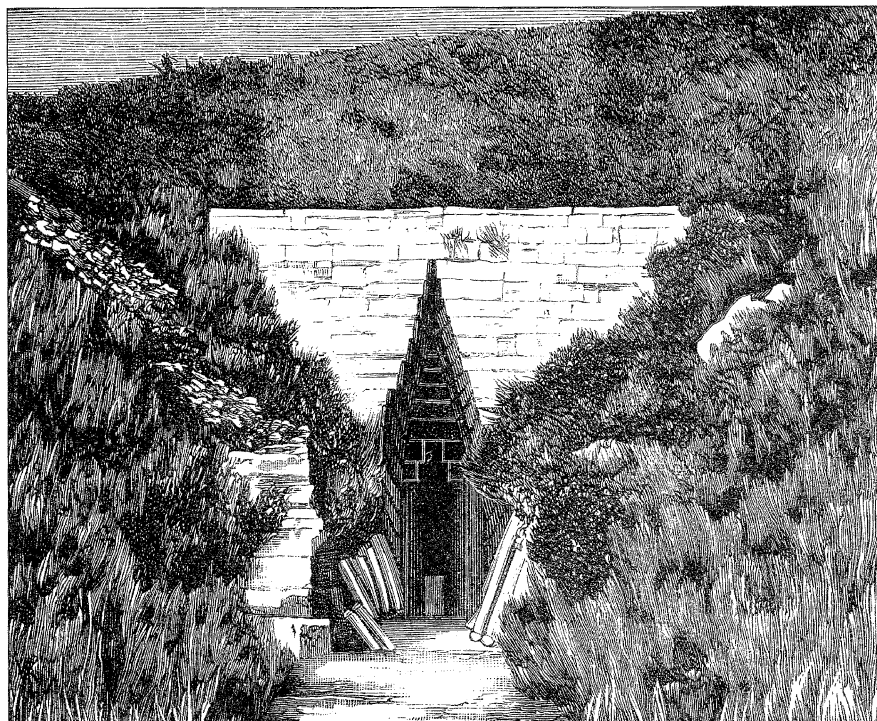
Во времена Гомера греческие корабли не смели еще плавать по Черному морю, тогда смотрели на это море, как на Океан, границу обитаемой земли, считали его самым большим из всех морей и потому дали ему название Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостеприимными по дикости их народонаселения, и море слыло *аксинос* (негостеприимным), пока ионические колонии (750 л. до Р. Х.) не заставили переменить это имя на приятно звучащее *евксинос* (гостеприимное).

Во времена Гезиода сведения греков распространились: северные берега Понта выдвинулись в отдалении, покрытые туманами, представлявшими воображению древних странные образы — то была баснословная область, хранилище драгоценностей, обитель существ необыкновенных. Как естественно было ожидать, поэты

овладели чудесною страной и перенесли туда мифы, сценою которых считались прежде берега морей ближайших. Один из них, Аристей, сам захотел посетить таинственный берег, и его поэмы, или по крайней мере выдаваемые под его именем, распространили географические сведения древних. По Аристее, на берегах Понта жили киммеряне, к северу от них — скифы, за скифами — исседоны, до которых он доходил.

Потом о дальнейших странах начинались рассказы по-детски легковерных путешественников, купцов, подобных нашему новгородцу Гуряте Роговичу; за исседонами к северу жили аримаспы, одноглазые люди; далее за аримаспами грифы стерегли золото, и еще далее на север жили блаженные гиперборейцы. Встречаем древние, темные предания о нашествиях киммериян и скифов на Азию, вернее, хотя не во всех подробностях, известие о походе персидского царя Дария Гистаспа против скифов в 513 году до Р. Х.

Между тем северные берега Понта остаются по-прежнему любимую страной поэтов: известия о них встречаем у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать о них сведения увеличила обширная торговля колоний и множество рабов, приводимых в Грецию с северных берегов Понта и потому носивших

Гробница скифских царей близ Керчи

имя скифов, но понятно, какую верностью и точностью должны были отличаться известия, почерпаемые из таких источников. ... В таком виде греки передали римлянам свои географические познания о северных берегах Черного моря.

... Причины, почему страны к северу от Понта не могли быть с точностью исследованы, приводит Страбон: по Танаису (Дону), говорит он, мало что можно узнать выше устьев по причине холода и бедности страны; туземцы, народы кочевые, питающиеся молоком и мясом, могут сносить неприязненный климат, но иностранцы не в состоянии; притом туземцы необщительны, свирепы и дики, не пускают к себе иностранцев. Вот почему и для римлян эта страна оставалась крайней мира, которую покинули люди и боги.

... Изложивши в немногих словах постепенное распространение сведений о странах, лежащих к северу от Понта, скажем несколько подробнее о быте народов, живших в этих странах, сколько о нем знали древние. Мы знаем, что имена господствовавших здесь один за другим народов были скифы и сарматы, отчего и страна называлась Скифией, преимущественно у греков, и Сарматией, преимущественно у римлян. ...

... По свидетельству Геродота, скифы считали себя младшим из народов и аборигенами в земле своей; от брака верховного божества, которое Геродот называет по-своему Зевсом, на дочери реки Борисфена родился в пустынной стране человек Таргитавс, у него было трое сыновей — Лейпоксаис, Арпоксаис и Колаксаис. При них упали с неба плут, воловье иго, стрелы и чаша — все золотые. Когда оба старшие брата хотели дотронуться до этих вещей, то нашли их огненными, только младший брат мог взять их в руки и отнести в свое жилище, вслед-

ствие чего старшие передали ему царское достоинство. От трех братьев пошли разные скифские племена: от старшего — авхаты, от среднего — катиары и траопии, от младшего — царские, или паралаты, — все они, вообще, носили имя сколотов, а греки называли их скифами.

... Днепр, виновник плодоносия берегов своих, дающий питание всему живущему на них, необходимо явился участником и в произведении человека — он дед, по матери, праотцу скифов; если небо участвовало непосредственно в произведении праотца скифов, то оно же непосредственно научило его детей средствам к жизни: с неба упали четыре орудия, четыре символа главных занятий первобытного человека — земледелия, скотоводства, виноделия и звероловства. Младший брат захватил их себе, стал распорядителем, раздавателем средств к жизни, старшие братья должны были смотреть у него из рук — вот символ власти и подчинения!..

У понтийских греков существовал другой миф о происхождении скифов. В нем говорится, что Геркулес пришел в страну, заселенную после скифами, и которая тогда была пуста. Там застали его буря и холод, он завернулся в львиную кожу и заснул. Проснувшись, Геркулес увидал, что лошади, которых он оставил пастись, исчезли; он начал искать их по всей стране и когда пришел в лесную припонтийскую область Гюляю, то нашел в пещере чудовище, ехидну, полуженщину и полузмею. На спрос Геркулеса ехидна отвечала, что лошади у нее, но что она не отдаст их до тех пор, пока он не согласится иметь с нею связь; Геркулес принужден был исполнить ее желание; плодом этой связи было трое сыновей: Агатирс, Гелон и Скиф, из которых последний, как самый достойный сын Геркулеса, остался обладателем страны и родоначальником царей скифских. ...

Относительно наружности скифы представляются у древних белокожими, краснолицыми, голубоглазыми, с мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скифы были очень похожи друг на друга, толсты, мясисты; браки их не отличались плодovitостью; нравы их — нравы всех младенчествующих народов; они были страстны, вспыльчивы, ленивы; их обычаи — обычаи всех кочевых народов, каких еще и теперь много питают степи Средней Азии; мужчины на лошадях, женщины и дети в кибитках, запряженных волами, перекочевывали с одного пастбища на другое; пища их — лошадиное молоко и мясо.

Как все варварские народы, скифы любили опьяняться дымом пахучих трав, потом полюбили привозное из Греции вино и пили его чистое, мужчины и женщины; пили и мед. На войне скифы отличались храбростью и жестокостью: сдирали кожу с убитых врагов, пили из черепов их; рассказы о скифских жестокостях повели к слуху, что они людоеды, питались даже мясом собственных детей своих. Сражались они конные и пешие, особенно славились скифские стрелки; стрелы намазывались ядом. ...

Трудно решить, одному ли владельцу повиновались скифы или многим; вождь на войне был судьей в мирное время. Скифия разделялась на округа, в каждом округе был особый начальник, для общего собрания, веча, назначалось особое место. Различие между знатными и чернью, между богатыми и бедными существовало у скифов; были у них и рабы, которых они ослепляли.

Касательно религии Геродот перечисляет названия следующих божеств: Табити (Веста), Папайос (Зевс), Апия (Земля), Ойтосир (Аполлон), Артимпаса (Афродита), Тамимасадас (Посейдон), кроме того упоминается о Геркулесе и Марсе; Табити (Веста), божество семьи, домашнего очага, пользовалось особым уважением, считалось народным скифским божеством. Поклоняться очагом, домашним божеством начальника, считалось величайшей клятвой, ложная клятва этим божеством причиняла, по мнению скифов, болезнь начальнику.

При кочевой жизни общественное богослужение не могло быть развито у скифов, понятно, что у них не могло быть храмов; изображением Марса служил меч, этому божеству приносились годовые жертвы — лошади и другие животные, приносили в жертву и пленных, изо ста одного. Вместо жрецов и у скифов, как у всех младенчествующих народов, видим толпу кудесников, гадателей; припонтийские страны славились

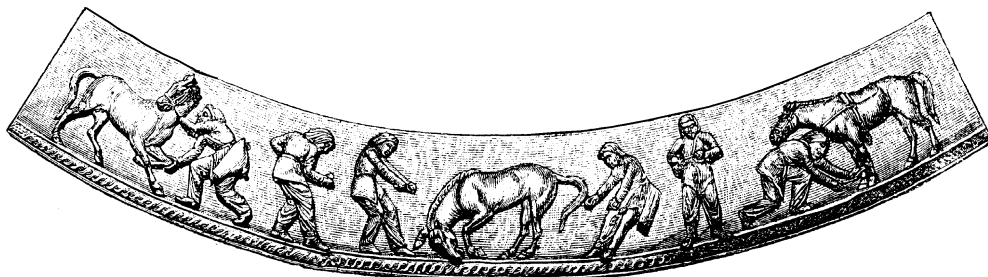
как местопребывание чародеев. По смерти начальников своих скифы погребали вместе с ними их наложниц, служителей, лошадей и разные необходимые для жизни вещи. ...

Касательно быта других народов чуждого происхождения, но обитавших подле скифов, остались известия об агатирсах, живших к западу от скифов. Геродот называет их самым изнеженным, женоподобным народом, страстным к блестящим украшениям; жены были у них в общем пользовании будто бы для того, чтоб всем составлять одно семейство и тем избежать зависти и вражды; в остальном быт их был похож на быт фракия.

Из народов, обитавших к северу от скифов, — о неврах — ходили слухи, что они живут по-скифски и будто в известные дни каждый невр обращался в волка — поверье, сильно укорененное между восточным народонаселением Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостию; меланхлены имели скифские нравы. О будинах до Геродота дошли, как видно, одни смутные слухи; можно понимать, что в близком соседстве друг с другом жили два различные народа — будины и гелоны, будины — кочевники, гелоны — оседлые: у них большой деревянный город; Геродот считает гелонов греческими переселенцами.

К югу от скифов, в нынешнем Крыму, обитали тавры — народ дикий и свирепый, живущий грабежом и войною, на крышах домов их, над печными трубами виднелись шесты с воткнутыми на них головами пленников: эти варварские трофеи охраняли дом от всякого зла, как жертва, угодная божеству. Тавры приносили пленных греков в жертву деве, имя божества — девы у самих тавров — Орейлоха; грекам казалась она то Ифигениею, то Артемидою. По природным условиям полуострова тавры, подобно скифам, разделялись на кочевых — северных и земледельческих — южных.

... Господство скифов сменилось господством сарматов, но от этой перемены история столь же мало выиграла, как от смены печенегов половцами: переменились имена, отношения остались прежние, потому что быт народов, сменявших друг друга, был одинаковый; и сарматы, подобно скифам, разделялись на кочевых и земледельческих, на господствующих и подчиненных. Но древние заметили и некоторые особенности у сарматов, главная особенность состояла в том, что у сарматов женщины имели большую силу, отличались храбростью и мужскими упражнениями: это подало повод к сказке, что сарматы произошли от совокупления ски-

Скифы, дрессирующие коней.

Изображение с Никопольской вазы, IV в. до н. э.

фов с амазонками, но у древних писателей сохранилось также предание о происхождении сарматов из Мидии, предание, подтверждаемое теперь наукою.

Сарматы были белокуры, свирепы на вид, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по телу разными узорами, вели кочевую жизнь, не умели сражаться пешком, но на лошадях были неотразимы; отличались дикостью и жестокостью в нравах; поклонялись мечу, по другим известиям, огню, и приносили в жертву лошадей. Из сарматских племен сильнейшими явились язгыги на западе, в нынешней Бессарабии и Валахии, отчасти в Венгрии, и роксоланы на востоке — между Доном и Днестром; подле сарматов, на западных границах Скифии и восточных Германии, упоминается особый сильный народ бастарны, разделявшийся на три поколения — атмонов, сидонов и певцинов. ...

Незадолго до рождения Христова, или в первом веке после него, в нынешней европейской России являются аланы, пришедшие, как говорят, из стран прикавказских; римляне знали и этих страшных врагов на Дунае вместе с готами; но часть их в соединении с вандалами бросилась на запад, вместе с франками перешла Рейн, опустошила Галлию, где, как говорят, Алансон получил от них свое имя, нападала на Италию, Сицилию, Грецию, вторглась в Испанию и, вероятно, даже в Африку. Большая часть племени оставалась, впрочем, в странах припонтийских до конца IV века, когда они на время смешались с победителями своими — гуннами, но в VI веке встречаем их опять между Доном и Волгою; здесь, равно как в странах прикавказских, византийские и арабские писатели упоминают о них в продолжение средних веков. К какому племени приписать алан, об этом еще спорят исследователи; есть основания считать их германцами; для нас, впрочем, и аланы, каково бы ни было их происхождение, остаются народом неисторическим, потому что их деятельность не отличается ничем от деятельности их предшественников: их следы также пропали в наших степях.

Мы упоминали о греческих колониях на северном берегу Понта. Самую значительную из них была здесь Ольвия (Борисфен, Милетополис), основанная милезийцами за 655 лет до Р. X. при устье Гипаниса, или Буга. Старый город был разрушен гетами в половине последнего века до Р. X, потом при участии скифов Ольвия была восстановлена, но не достигла прежнего богатства и величия; старый город, по Геродоту, имел предместье, рынок, дворец скифского царя Скулеса; по надписям видно, что в нем был гимназиум, хлебный складочный магазин, базар, рыбный рынок, корабельные верфи. Скифы производили здесь торговлю посредством семи толмачей; Ольвия имела обширные торговые связи с греческими городами до самой Сицилии. Главным храмом считался храм Юпитера Ольвиоса, где граждане собирались для совещаний, но из божеств особенным уважением пользовался Ахиллес, певцу которого, Гомеру, также воздавались божеские почести. В стране варварской жители Ольвии не могли сохранить в чистоте греческого языка, они переняли также и скифскую одежду, в которой преобладал черный цвет. ...

Кроме Ольвии, важными поселениями греческими были Пантикалея (около Керчи), служившая местопребыванием босфорским царям, потом Фанагория, кото-

Одежда и вооружение европейских сарматов.

С изображения на колонне Траяна

рую полагают подле Тамани; кроме того, по берегам и во внутренности страны было много других торговых мест. Постоянная опасность со стороны варваров заставляла все эти города вверить правление одному начальнику, вследствие чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорских владельцев и к наступательной, они покорили своей власти разные окрестные варварские народы. Как начальники греческих городов, носили они название архонтов, или игемонов, как владельцы варварских народов, назывались вассилевсами, или этнархами.

Таким образом, на берегах Понта, где сталкивалось столько разноплеменных и разнообразных народов, издавна являются странные, смешанные владения, каким в древности было Босфорское царство, в позднейшие времена — Козарское. Самую тесную связь с нашей историей имеет богатая греческая колония на Таврическом полуострове (где теперь Севастополь) — Херсонес (Херсон, Корсунь).

Существование многих торговых цветущих поселений предполагает обширную торговлю. Главным предметом вывоза с северных берегов Понта и в древности, как теперь, был хлеб, за ним следовала рыба, потом — воск, мед, кожи, меха, шерсть, лошади; рабы, как было сказано выше, составляли также одну из значительных отраслей понтийской торговли. Привоз состоял в выделанных кожах, которые в грубом виде были вывезены отсюда же, в одежде, масле, вине, произведениях искусства.

... Только однажды однообразие этого пустынного мира было нарушено движением исторического народа, походом персидского царя Дария Гистаспа; предания об этом походе любопытны для историка, потому что дают понятие о свойствах страны и народов, в ней обитавших.

За 513 лет до Р. X. с 700 или 800000 войска и 600 кораблей переправился персидский царь через фракийский Босфор по великолепному мосту в Европу и вступил в Скифию. Скифы не встретили полчищ персидских, но стали удаляться в глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастание; персы начали кружить за ними. Утомленный

бесплодную погонею, Дарий послал сказать скифскому царю: «Странный человек! Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду, и вступи с ним в разговор». Скиф отвечал: «Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобою; что делаю я теперь, то привык делать и во время мира, а почему не бьюсь с тобою, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли

мы с вами биться или нет». Одни кости мертвецов привязывали скифа к земле, и ничего, кроме могил, не оставил он в историческое наследие племенам грядущим. Персы увидели, что зашли в страну могил и обратились назад.

Вторжение персов в Скифию не произвело ничего, кроме ускоренного движения ее обитателей; попытки Митридата возбудить восток, мир варваров, против Рима остались тщетными. Движения из Азии не могли возбудить исторической жизни в странах понтийских, но вот слышится предание о противоположном движении с запада, из Европы, о движении племен, давших стране историю.

ГЛАВА 3

*Славянское племя. — Его движение. — Родовой быт славян. —
Нравы и обычаи. — Финское племя. — Литовское племя. — Ятвяги. —
Готское движение. — Гунны. — Авары. — Козары. — Варяги. — Русь*

Славянское племя не помнит о своем приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда, но оно сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток, вследствие натиска какого-то сильного врага. ... Вот это предание о первоначальном месте жительства славян и движениях их, как оно читается у нашего русского летописца: «Спустя много времени после вавилонского столпотворения, сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская.

От тех славян разошлись по земле племена и прозвались своими именами, где которое племя село на каком месте; одни пришли и сели на реке именем Моравы и прозвались моравами, другие назвались чехами; а вот тоже славяне — хорваты белые, сербы и хорутане. Когда волхи нашли на славян дунайских, поселились среди них и начали насильничать, то те славяне (т. е. моравы и чехи) двинулись, сели на Висле реке и прозвались ляхами, а от тех ляхов прозвались поляне (поляки), к племени же ляхов принадлежат лутичи, мазовшане и поморяне. Также и эти славяне (т. е. хорваты белые, сербы и хорутане) двинулись и сели по Днепру» и проч. ...

... Перейдем теперь к точнейшим указаниям нашего начального летописца о расселениях восточных славянских племен, вошедших в состав Русского государства. Об этом расселении летопись говорит в трех местах; в первом месте говорится, что восточная отрасль славян, т. е. хорваты белые, сербы и хорутане, будучи потеснены врагом, двинулись на северо-восток, и одни сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах; далее сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; некоторые сели на Двине и назвались полочанами, от имени речки Полоты, впадающей в Двину. Часть славян села также около озера Ильменя и прозвалась сво-

им именем — славянами, эти славяне построили город и назвали его Новгородом, остальные славяне сели по Десне, по Семи, по Суле и назвались севером или северянами.

В другом месте говорится, что у полян было свое княжение, у древлян — свое, у дреговичей — свое, у славян — свое в Новгороде, у полочан — свое. От них же, т. е. от полочан, кривичи, которые сидят на верховьях Волги, Двины и Днепра, у них город Смоленск; от них — северяне. Потом тут же перечисляются племена в таком порядке: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, север с прибавкою бужан, назвавшихся так по реке Бугу и прозванных после вольнянами.

Наконец, в третьем месте говоря о полянах и древлянах, с подтверждением, что они племени славянского, летописец прибавляет еще радимичей и вятичей, которые происходят от ляхов, т. е. от западных славян; были два брата в ляхах, Радим и Вятко: Радим пришел и сел с родом своим на реке Соже, а Вятко — на Оке. Тут же прибавлены хорваты, потом дулебы, жившие по Бугу, где во время летописца были уже вольняне; наконец, угличы и тиверцы, сидевшие по Днестру, до самого моря и Дуная, многочисленные племена, у которых были города, существовавшие до времен летописца.

... Племя полян приобрело особенное значение потому, что городок, среди него основанный, Киев, стал главным городом Русской земли. Насчет основания Киева, как вообще всех древних знаменитых городов, ходили разные предания. Название его, сходное с прилагательной притяжательной формой, заставило предположить имя основателя Кия (Кий — Киев город, как Андрей — Андреев, Петр — Петров); название разных городских урочищ, гор — Щековицы и Хоревыцы повели к предположению первых насельников — Щека и Хорива; господствующие понятия заставили связать Кия, Щека и Хорива кровным союзом, предположить в них брать-

ев; название речки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. ...

Что касается быта славянских восточных племен, то начальный летописец оставил нам об нем следующее известие: «Каждый жил со своим родом, отдельно, на своих местах, каждый владел родом своим» ... Единство рода, связь племен поддерживались единым родоначальником, эти родоначальники носили разные названия — старцев, жупанов, владык, князей и проч.; последнее название, как видно, было особенно в употреблении у славян русских и по словопроизводству имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства.

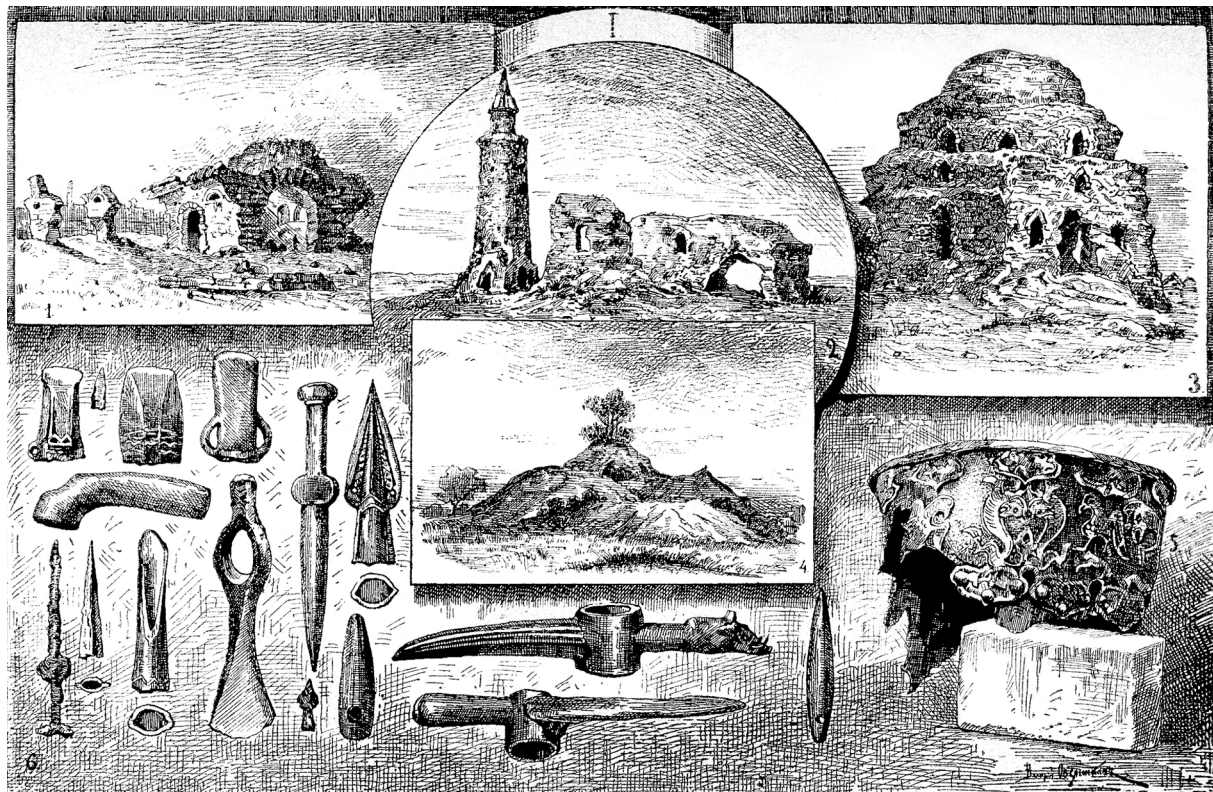
Существуют различные взгляды на родовой быт: одни представляют его в идиллическом виде, предполагают в нем исключительное господство нежных, родственных отношений, другие, напротив, смотрят на него с противоположной стороны, предполагают суровость отношений между отцом и детьми, между родоначальником и родичами, подавление родственных отношений правительственными, причем приводят в пример семью римскую и германскую, где отец имел право осуждать своих детей на рабство и смерть. ...

Отношения родоначальника к родичам понятны, когда род состоит из одних нисходящих, но когда отец, дед или прадед умирает, то каким образом поддерживается единство рода? Оно поддерживалось восстановлением отеческой власти, один из старших родичей занимал отцовское место. Старинная чешская песня говорит:

«Когда умрет глава рода, то все дети сообща владеют именем, выбравши себе из роду своего владыку». ... Избранный старшина управляет всеми работами, хранит общественную казну, вносит подати, раздает своим детям и братьям пищу и одежду, наказывает их за проступки; в большие праздники он напоминает о древнем значении владыки рода, как жреца, потому что окруженный всеми родичами кадит иконы.

Последующая история Рюрикова княжеского рода показывает, что и в быте наших восточных славян имели место те же самые явления: старший брат обыкновенно заступал место отца для младших. ... Но легко понять, какие следствия могла иметь такая неопределенность прав и отношений: невозможно, чтобы младшие постоянно согласно смотрели на действия старшего; каждый младший, будучи недоволен решением старшего, имел возможность восстать против этого решения; он уважал старшего брата, как отца, но когда этот старший брат, по его мнению, поступал с ним не как брат, не как отец, не по-родственному, но как чужой, даже как враг, то этим самым родственный союз, родственные отношения между ними рушились, рушились вместе все права и обязанности, ничем другим не определенные. ...

Обширность и девственность населенной восточными славянами страны давали родичам возможность выселяться при первом новом неудовольствии, что, разумеется, должно было ослаблять усобицы; места было много, за него по крайней мере не нужно было со-

1, 2, 3. Развалины различных зданий на месте бывшей столицы древних болгар (по Волге). 4. Один из древнеславянских курганов (Черная могила близ Чернигова). 5, 6. Медно-бронзовые, костяные и серебряные предметы, найденные в курганах в Восточной и Южной Руси

риться. Но могло случаться, что особенные удобства местности привязывали к ней родичей и не позволяли им так легко выселяться — это особенно могло случаться в городах, местах, выбранных родом по особенному удобству и огороженных, укрепленных общими силами родичей и целых поколений; следовательно, в городах усобицы должны были быть сильнее.

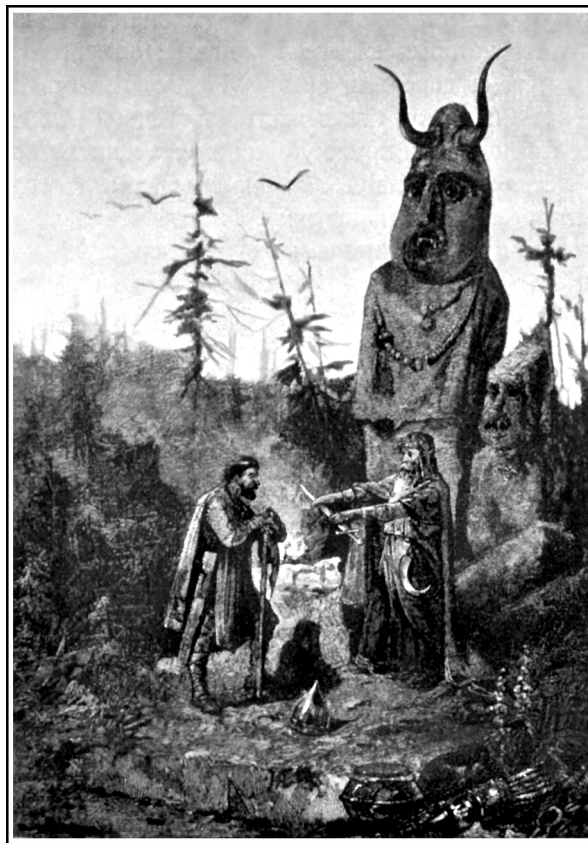
... Городов, как видно, было немного: знаем, что славяне любили жить рассеянно, по родам, которым леса и болота служили вместо городов; на всем пути из Новгорода до Киева, по течению большой реки, Олег нашел только два города — Смоленск и Любеч; у древлян упоминаются города, кроме Коростеня; на юге должно было находиться больше городов, здесь более было нужды в защите от нашествия диких орд, да и потому, что место было открытее; у тиверцев и угличей были города, сохранившиеся и во времена летописца; в средней полосе — у дреговичей, радимичей, вятичей — не встречается упоминания о городах. ...

Что касается нравов и обычаев славян языческих, то они обуславливаются преимущественно тогдашним народным бытом их. Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своею нравственностью производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных или полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадают очень редко между славянами. ... Все писатели единогласно превозносят гостеприимство славян, их ласковость к иностранцам, которых усердно провожали из одного места в другое, и если случится, что странник потерпит какую-нибудь беду по нерадению своего хозяина, то сосед последнего вооружается против него, почитая священным долгом отомстить за странника; о северо-западных славянах рассказывают, что у них считалось позволенным украсть для угощения.

Гостеприимство есть черта, принадлежащая не одним славянам: у греков нарушить долг гостеприимства значило оскорбить высшее божество — Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостеприимству дикарей Северной Америки. Но гостеприимство имело еще и другие причины: для народа, живущего в простоте нравов, чужестранец, странник был явлением важным, любопытным; сколько наслаждений мог он доставить рассказом о своих похождениях! Сюда должно присоединить и религиозные понятия: каждое жилище, очаг каждого дома был местопребыванием домашнего божества; странник, входивший в дом, отдавался под покровительство этого божества; оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконец, странник, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносил добрую славу о человеке и роде гостеприимном*.

Писатели хвалят обхождение славян с пленными, которым оставлена жизнь; говорят, что у славян пленники не рабствовали целый век, как у других народов, но что назначен был известный срок, по прошествии которого они были вольны или возвратиться к своим,

* Мономах говорит в поучении: «Боле же чтите гость, откуда же к вам придет, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, и брашном и питьем; ти бо мимоходячи прославлять человека по всем землям, либо добрым, либо злым».

Заклятие меча перед идолом.

Рис. В. Овсяникова

давши откуп, или остаться жить между славянами в качестве людей вольных и друзей. ...

Мы заметили, что на иностранных писателей нравы славян производили благоприятное впечатление, они отзывались о них с похвалою; вовсе не так снисходителен к древним славянским нравам и обычаям наш начальный летописец, духовный христианский, который потому с омерзением смотрел на все, что напоминало о древнем язычестве. Исключая полян, имевших обычаи кроткие и тихие, стыдливых перед снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровьями и деверями, имевших брачный обычай, нравы остальных племен у него описаны черными красками: древляне жили поскотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, а похищение девиц. Радимичи, вятичи и северяне имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое, срамословили перед отцами и перед снохами, браков у них не было, но играли между селами, где молодые люди, сговорившись с девицами, похищали их; держали по две и по три жены. ...

... Что касается положения славянской женщины, то девушки, как видно, пользовались полною свободою: летописец говорит, что они сходились с молодыми людьми чужих родов на играшках, имели возможность совещаться с ними для бегства. ... Иностранцы писатели удивляются привязанности славянских женщин к мужьям, за которыми они следовали даже в могилу. ...

После брачного обычая, в котором резче всего выражаются нравственные понятия народа, для летопис-

ца, христианского монаха, был всего важнее обычай погребения, в котором выражаются обыкновенно понятия народа о загробной жизни, и потому в летописи читаем описание этого обычая. Радимичи, вятичи, северяне и кривичи совершали тризну над покойником, потом сожигали труп, кости собирали в небольшой сосуд, который ставили на столбе при дороге. ... Под именем тризны разумелись, как видно, вообще поминки и потом преимущественно борьба в честь умершего, с поминками соединялся веселый, пьяный пир, также резание и царапание лица в знак печали. Одновременно с обычаем сожигания и ставления урн с пеплом на придорожных столбах существовал и обычай погребения в могилах, которые сыпали холмами.

Иностранцы писатели говорят, что славяне жили в дрянных избах, находящихся в далеком расстоянии друг от друга, и часто переменили место жительства. Такая непрочность и частая перемена жилища была следствием непрерывной опасности, которая грозила славянам и от своих родовых усобиц, и от нашествий чуждых народов. ... Привычка довольствоваться малым и всегда быть готову покинуть жилище, поддерживала в славянской отращивание к чуждому игу, о чем заметил Маврикий.

Родовой быт, условливающий разединение, вражду и, следовательно, слабость между славянами, обуславливал необходимо и образ ведения войны: не имея одного общего начальника и враждуя друг с другом, славяне уклонялись от сколько-нибудь правильных сражений, где бы должны были биться соединенными силами на местах ровных и открытых. Они любили сражаться с врагами в местах узких, непроходимых, если нападали, то нападали набегом, внезапно, хитростью, любили сражаться в лесах, куда заманивали неприятеля бегством, и потом, возвратившись, наносили ему поражение. Вот почему император Маврикий советует нападать на славян зимою, когда им неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снег препятствует движению бегущих, да и съестных припасов у них тогда мало.

Особенно отличались славяне искусством плавать и скрываться в реках, где могли оставаться гораздо долее, чем люди другого племени, они держались под водою, лежа на спине и держа во рту выдолбленный тростник, которого верхушка выходила на поверхность реки и таким образом проводила воздух скрытому пловцу.

Вооружение славян состояло в двух малых копьях, некоторые имели и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькие стрелы, намазанные ядом, очень действенным, если искусный врач не подаст скорой помощи раненому. У Прокопия читаем, что славяне, вступая в битву, не надевали лат, на некоторых не бывало даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопий не хвалит славян за опрятность, говорит, что, подобно массагетам, они покрыты грязью и всякою нечистотою. Как все народы, в простоте быта живущие, славяне были здоровы, крепки, легко носили холод и жар, недостаток в одежде и пище. О наружности древних славян современники говорят, что они все похожи друг на друга, высоки ростом, статны, кожа у них не совершенно белая, волосы длинные, темнорусы, лицо красноватое. ...

Основываясь на определенных указаниях современников, мы находим у наших славян при поклонении многим различным явлениям природы под разными

ими именами божеств поклонение одному верховному божеству, к которому остальные находились в подчиненном отношении; это верховное божество, по свидетельству одного из древнейших писателей о славянах, Прокопия, было божеством молнии, которое наш летописец называет Перуном. ... Имеем право думать, что Перун у языческих славян носил еще другое название — Сварога*.

Верховное божество Сварог-Перун порождало двух сыновей, двух Сварожичей: солнце и огонь. Поклонение солнцу, как видно, было сильно распространено между славянами; в «Слове о полку Игореве» русские называются внуками Дажбога, если так, то к нему имеем право относить известные воззвания в наших песнях: Дид (дед) Ладо; последнее название, означающее свет, красоту, мир, любовь, радость, всего приличное может относиться к солнцу**; другой припев: Люль, Лель означает также деда. Кроме названий Ладо и Дажбога, к солнцу же не без основания относят имена Хорса, Сура, или Тура, Волоса. Вместе с солнцем обоготворялись месяц и звезды, находившиеся к солнцу, как видно, в родственных отношениях; обоготворялись также вода и воздух.

Если славяне поклонялись явлениям природы, то легко догадаться, при каких случаях, в какое время года будут они торжествовать свои религиозные праздники. Так, например, они праздновали в конце декабря, когда солнце начинает брать силу, дни начинают прибывать; этот праздник, совпадающий теперь с праздником рождества Христова, носит преимущественно название Коляды; существенный обряд праздника состоит в хождении славить (божество) и собирать подаяние; как видно, во времена языческие приношения собирались для общей жертвы. ...

Второй праздник торжествовался в начале весны, но так как это время приходит в великий пост, то по принятии христианства празднование перенесено на конец рождественского мясоеда и отчасти на Светлое воскресенье. Итак, масленица есть языческий весенний праздник***. Встреча весны и проводы зимы пра-

* Сварог, индийское сварга сложено из двух частей: свар — небо, свет, и из окончания га, означающего хождение; след, сварга имеет смысл пребывания на небе или хождения по небу. В Ипатьевском списке летописи читаем следующее о Свароге: «И бысть по потопе и по разделении язык, поча царствовати первое Местром от рода Хамова, по нем Еремия, по нем Феоста, иже и Саварога нарекоша Егуптяне, царствующую сему Феосте в Егупте, во время царства его, спадоша клеще с небесе, нача ковати оружие». Славянский Сварог объясняется здесь отождествлением его с древним Феостом или Ефестом, Вулканом, египетским Фтас; Ефест есть бог молнии, ковач небесного, божественного оружия, в его царствование «спадоша клеще с небесе, нача ковати оружие»; но бог молнии, бог оружия есть Перун.

** Очень естественно имя Лада и Лады давалось также любовникам и супругам, которых небесная чета — Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразом; употребляется же ласкательное: мой свет!

*** На отношение масленицы к солнцу указывает следующее обыкновение: на огромных санях возят наряженного мужика, который сидит на колесе вверху столба, утвержденного посреди саней, колесо же было у языческих народов изображением солнца; притом на севере во время масленицы поют также коляду, что указывает на отношение масленицы к зимнему празднику солнца.